

Художник, побывавший в крематории Аушвица

Автопортрет Давида Олера

Только постарайся уберечь душу свою от забвения вещей, что увидели глаза твои. И должен ты рассказать об этом детям твоим и детям твоих детей.

Дварим, 4:9-10

Давид Олер — единственный художник в мире, побывавший в крематориях Аушвица-Биркенау. Он спасся и посвятил свой талант рассказу о том, «что увидели глаза его».

Будущий художник появился на свет 19 января 1902 года в Варшаве в семье врача и акушерки. В 13 лет получил стипендию и поступил в Академию изящных искусств, потом переехал в Германию. «Он прожил в Берлине семь лет», — рассказывает внук Олера, Давид. Учился в школе Баухаус, выставлял свои гравюры по дереву в галереях Мюнхена и Гейдельберга.

В 1921-м Олера пригласил режиссер Эрнст Любич для создания декораций к фильму «Жена фараона». Но юноша мечтал о Париже – мекке искусства. В 1923-м он осел на Монпарнасе, где познакомился с такими представителями Парижской школы, как Макс Эрнст и Амедео Модильяни. Быстро влившись в местную киноиндустрию, Давид работал художником-постановщиком, создавая декорации, костюмы и афиши для Paramount Pictures и других студий, а также преподавал в Académie de la Grande Chaumière.

Женившись на француженке, он переехал в пригород Нуази-ле-Гран, где родился его единственный сын Александр.

В начале 1940 года мужчину призвали в 134-й батальон пехоты, но вскоре демобилизовали. 14 июня того же года Париж был сдан врагу, две трети территории страны оккупировали нацисты. К этому времени во Франции насчитывалось около 150 тысяч евреев. Из них 15 тысяч, получивших гражданство до 1927 года, были его лишены. В их числе оказался и Давид Олер. Художник остался без работы и был обязан носить на одежде шестиконечную звезду Давида.

Концлагерь Дранси

20 февраля 1943 года в ходе облавы его арестовали французские жандармы, и вскоре отправили в Дранси, известный как «зал ожидания Аушвица». 2 марта транспорт №49 с Давидом Олером ушел в Аушвиц II. Художнику повезло: его отобрали для работы, остальных отправили в газовые камеры в день прибытия. Отныне он стал заключенным 106144 — номер этот мы увидим на его полотнах. Узника приписали к зондеркоманде, очищавшей газовые камеры и сжигавшей тела. Большинство этих людей уничтожили так же, как и остальных заключенных. Из 2200 работников выжили чуть больше сотни.

Члены Sonderkommando регулярно, каждые четыре-шесть недель, отправлялись в газовые камеры. Во избежание разоблачений и для устранения свидетелей «предусмотрительные» немцы ликвидировали старые бригады и набирали новые из числа прибывших заключенных. Зачастую те вынуждены были сжигать в крематории и трупы своих «предшественников».

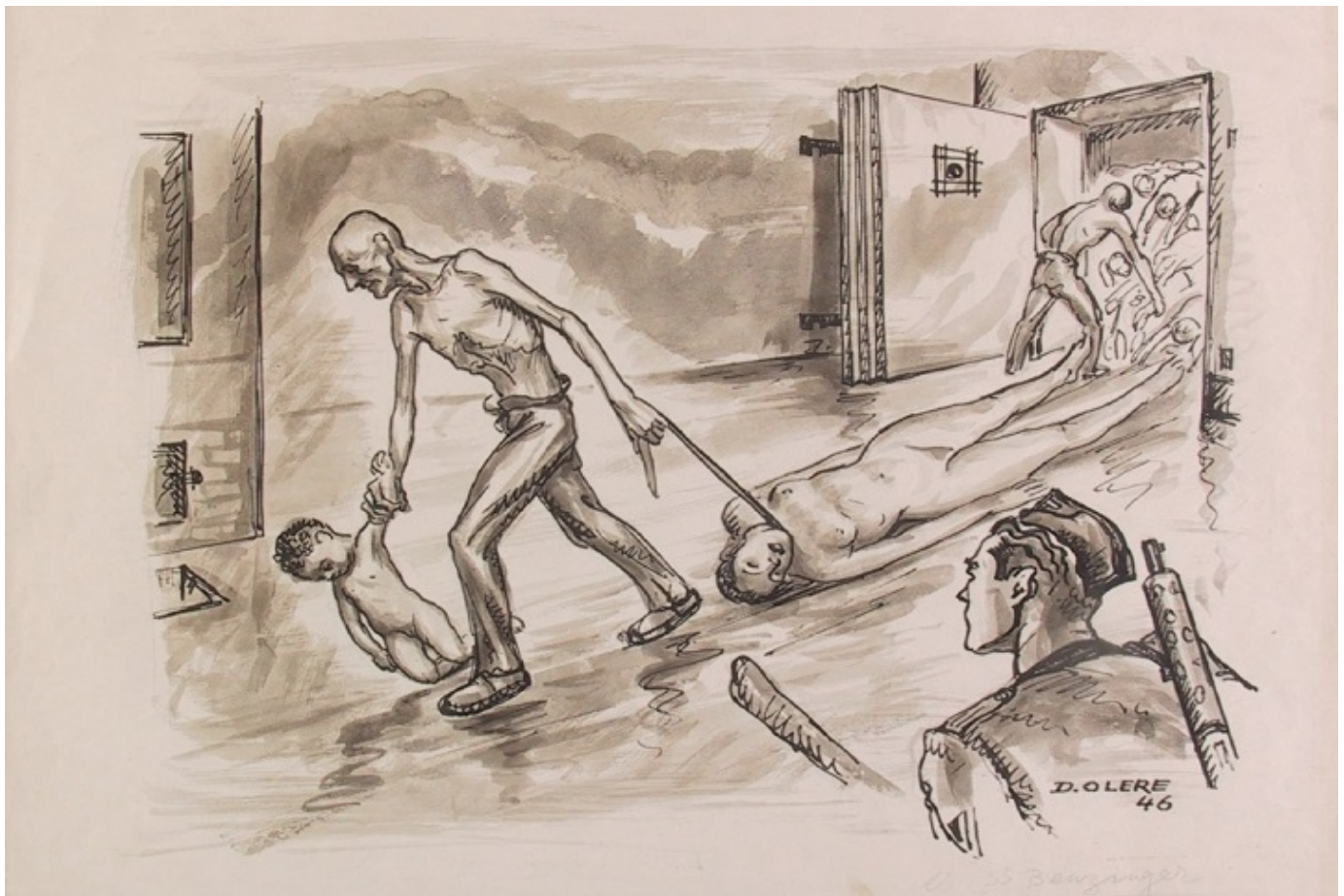

работы Давида Олера

Почти два страшных года пробыл Олер в этом логове смерти. Наблюдая, как раздевались евреи, ожидая очереди в «душевые кабины», как сжигались тысячи тел, как проводились медицинские эксперименты над узниками, с какой садистской жестокостью эсэсовцы пытали людей и издевались над грудными младенцами. И всё это происходило ежедневно, под музыку лагерного оркестра, заглушавшую душераздирающие вопли и стоны жертв. Не отправиться за теми, кого он вытаскивал из газовых камер и загружал в крематорий, помогли художественные навыки и знание иностранных языков.

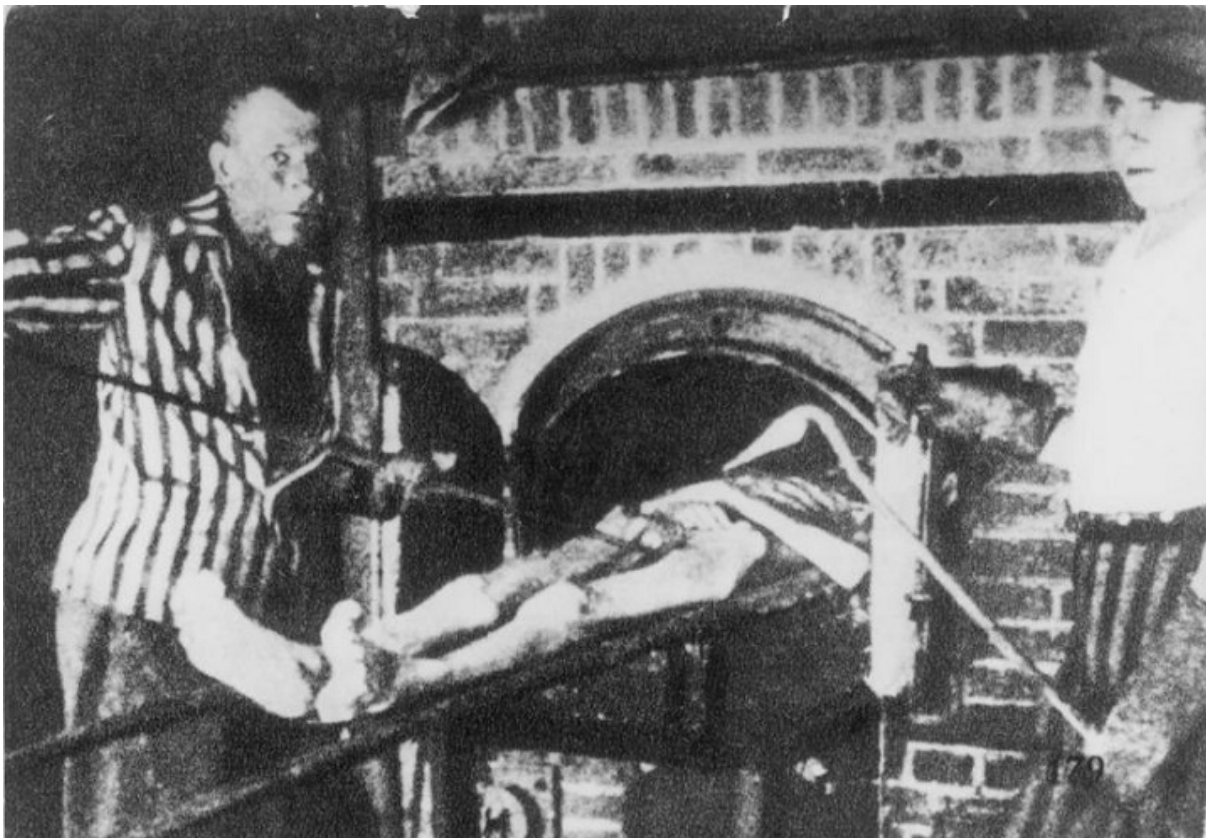
Талант художника немцы использовали для оформления писем и открыток, посылаемых домой, на которых Давид рисовал рамки, виньетки, ангелочков и цветочки. Зарисовки увиденного в лагере удалось сделать лишь в последние дни, когда СС ослабило контроль.

Кроме идиша, польского, русского, немецкого и французского Давид владел еще и английским языком. Это тоже его спасло, поскольку помогло стать переводчиком. Немцы, оторванные от большого мира, слушали Би-би-си из Лондона, а Олер им переводил. Так он узнал об освобождении Парижа и Страсбурга.

7 октября 1944 года в Аушвице восстали несколько зондеркоманд. Члены одной из них в три часа дня взорвали крематорий К IV. Одновременно в другой крематории зондеркоманда бросила в горящую печь живьем двух эсэсовцев, нескольких убили, подожгли помещение и, прорвавшись через забор с колючей проволокой, бежали. Эсэсовцы расстреляли всех, кто оказался возле взорванного и горящего крематория. Беглецов разыскивали с помощью местного населения, вернули в лагерь и тоже расстреляли. Из 663 работников Sonderkommando 450 человек были уничтожены.

С приближением Красной армии в январе 1945-го узников начали готовить к Маршу смерти. Всех заключенных переправляли в концлагеря на западе. Давида отправили в Маутхаузен, где он рыл тоннели на германских военных заводах. Попав оттуда в Мельк, предпринял пять неудачных попыток побега. 7 апреля 1945-го его отправили на принудительные работы в лагерь Эбензее, куда 6 мая вошли американские войска. Рисунки, выполненные в Аушвице, он передал в день освобождения офицерам армии США.

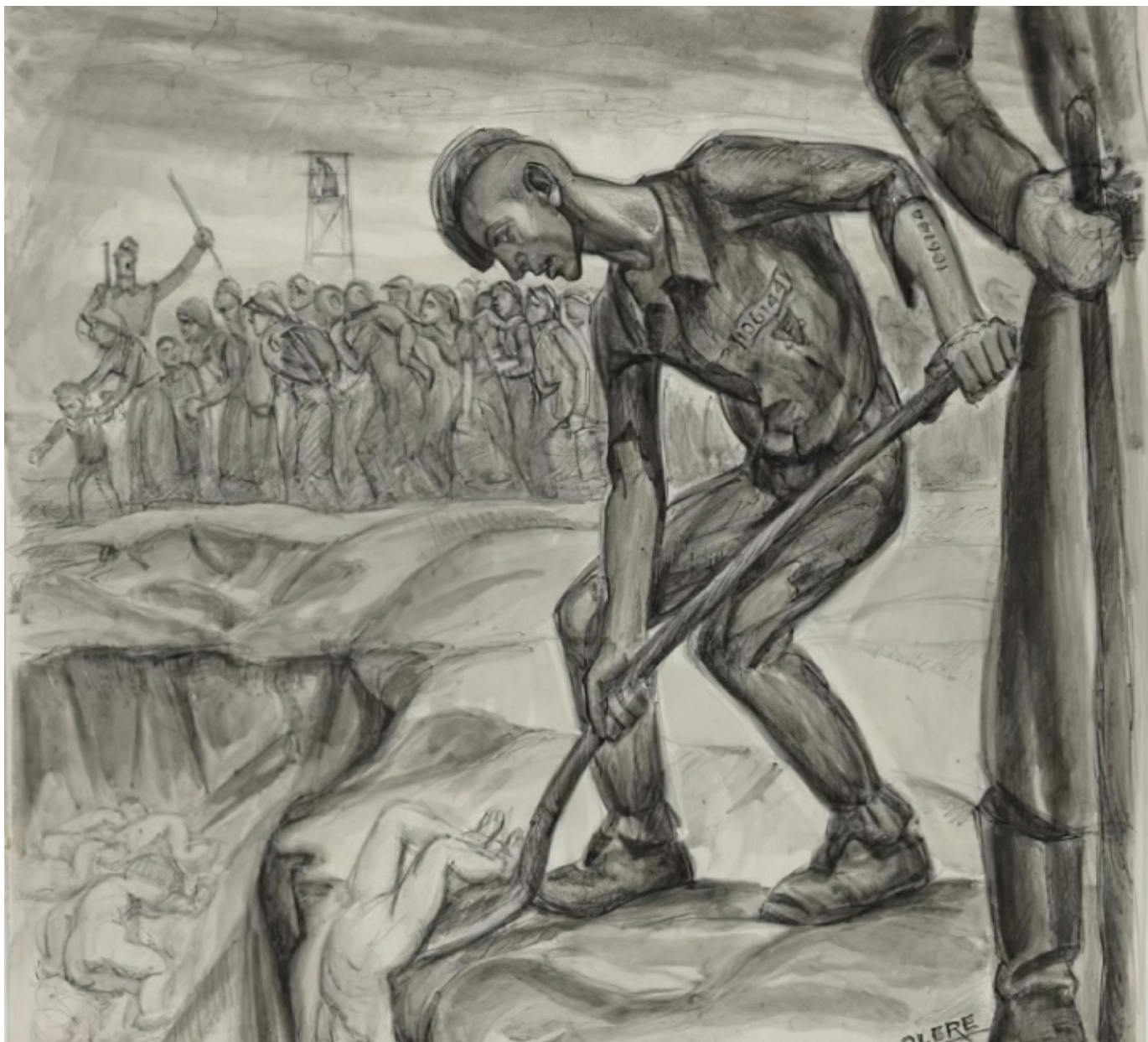
Крематорий Дахау после освобождения лагеря американцами, май 1945

Тогда же из Варшавы пришла страшная весть: все его родные уничтожены. Потрясенный, превращенный в «живой скелет», Давид уехал в Париж к своей семье. «Когда отец вернулся домой, в июне 1945 г., от него мало что осталось, кроме глаз», — писал сын Александр.

«Он очень любил свою жену, мою бабушку, — вспоминает внук Давид. — Она была единственным человеком, который мог находиться рядом с ним после возвращения. С ним было сложно общаться, он ни к кому не проявлял ласки, внимания. Его нужно было кормить, как младенца, потому что у него не было зубов, и он очень мало ел.

Она была терпеливой и внимательно слушала его. Но сначала она ему не поверила, решив, что он сошел с ума. Когда и другие свидетели начали давать показания, приводить улики — только тогда она поняла, что он говорит правду, только правду, и это не плод кошмарных галлюцинаций».

Олеру выпало жить. Поэтому, вернувшись в Париж, он принял решение: рисовать то, что видел, что хранит его память. «У него не было слов, хотя он говорил на пяти языках, — рассказывает сын. — Он стал это рисовать. Создавал чертежи и планы крематориев с фотографической точностью. Почти всю свою последующую жизнь он посвятил изображению того, что испытал в Аушвице».

Через несколько месяцев после возвращения Давид был уполномочен Верховным штабом союзных войск дать свидетельские показания для документирования нацистских преступлений. Позднее президент США Эйзенхауэр лично выразил художнику благодарность.

Несколько лет он создавал только рисунки. Серия примерно из 70 рисунков позже послужила основой для шокирующих картин маслом. На своих полотнах Олер зачастую представал как дух, тихий печальный свидетель, наблюдающий со стороны за нечеловеческими сценами. Его работы дают представление обо всех этапах ужаса «ада на земле»: высадка на пандус, отбор, смерть в газовых камерах и кремация трупов, сцены, которые никто не мог сфотографировать или снять на киноплёнку. Из-под его кисти выходили гигантские кричащие образы, несущие на себе отпечаток травматических переживаний.

Из-за полученных в лагере увечий он начал со временем терять зрение. Чем слабее становилось его зрение, тем крупнее становились картины. «У него был только один глаз, — рассказывает внук Давид. — Второго он лишился в лагере».

Александр вспоминал: «Жить в нашем маленьком скромном доме в пригороде Парижа было нелегко. Гостиная, как и все остальные комнаты, тоже была студией, и все стены до потолка были покрыты рисунками, набросками и эскизами полотен. Он по-прежнему оставался за «колючей проволокой», и мы, снаружи, не могли дотянуться до него через эту «проволоку»...

Давид выставлял свои картины-фотографии по всему миру: во Франции, в Германии, в Америке, но экспозиции зачастую проходили в полупустых залах. «Сюжеты его картин были слишком жестоки, поскольку чудовищно жестока была действительность, — рассказывает Беата Кларсфельд, журналист и известный «охотник за нацистами». — Не существует фотографий, запечатлевших происходившее в газовых камерах и крематориях. Но Олер, обладая фотографической памятью и художественным мастерством, передал весь ужас того, что там творилось». «Люди не хотели смотреть на эти шокирующие картины, а главное, не хотели верить в реальность изображенного», — рассказывает Александр.

То, что Давид считал своим предназначением, не удалось реализовать. Это стало его личной трагедией, и творчество потеряло всякий смысл. В 1962-м Олер прекратил занятия живописью, и еще 20 с лишним лет прожил наедине со своими мучительными воспоминаниями...

Его работы хранятся сегодня в Государственном музее Дома инвалидов и в Большом дворце в Париже, Еврейском музее в Нью-Йорке, Художественном музее Беркли, а также в коллекции музея-мемориала Аушвиц-Биркенау. Вдова, сын, а теперь и внук Давида Олера продолжали рассказывать миру правду об Аушвице, используя его рисунки и картины.

21 августа 1985 года в возрасте 83 лет Давид Олер покинул этот мир. В этом году ему должно было бы исполниться 120 лет. Согласно нашей традиции, это предельный срок жизни еврея. Но память срока не имеет. Пока она жива — жив человек...

Эстер Гинзбург, «Еврейская панорама